

ЮДИН Иван Валерьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (111250, Россия, г. Москва, ул. Красноказарменная, 14; ivanyudin@yandex.ru)

ЛЮСКИН Михаил Борисович – доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (111250, Россия, г. Москва, ул. Красноказарменная, 14; LiuskinMB@mpei.ru)

КАЛИНИН Эдуард Юрьевич – старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (111250, Россия, г. Москва, ул. Красноказарменная, 14; KalininEY@mpei.ru)

ВЛАСТЬ И КОММУНИКАЦИЯ: ОТ ЛОКАЛЬНОГО К ГЛОБАЛЬНОМУ (ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Авторы статьи с позиций системного подхода и путем применения философских методов познания и навыков политического анализа исследуют манипулятивные технологии, составляющие арсенал властных структур и применяемые для стабилизации политической повестки, а также в целях самосохранения существующих политических институтов в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализация, политическая власть, манипулятивное воздействие, методы манипуляции массовым сознанием, управление общественными отношениями

Введение

Власть – одна из наиболее универсальных и сложных сторон жизни человечества на всем протяжении его существования. С другой стороны, понятие власти – одно из наиболее многозначных в социогуманитарных науках. Политическая власть, в свою очередь, научно определяется как процесс, в орбиту которого попадает все общество в целом, ввиду чего для властных структур актуализируется поиск оптимальных методов управления общественными отношениями, в т.ч. и с применением манипулятивных технологий.

Основные подходы к пониманию власти в политических науках

Обозначим ключевые подходы к пониманию власти.

1. Объективистский, или онтологический подход (Ж. Баландь, Н. Винер, А.И. Демидов, А. Пригожин, Г. Хакен и др.). Власть в широком смысле слова (ШСС) понимается как активная сторона взаимодействия или воздействия на объект (от Аристотеля до Т. Гоббса как минимум). Характеристики власти (ХВ): объективность, асимметричность, эксцентричность («власть для»).

2. Субъективистский, или социально-антропологический подход (Ф. Бурлацкий, В. Мельник, Д. Ольшанский и др.). Власть в узком смысле слова (УСС) понимается как способность и возможность индивидуального или социального субъекта осуществить свою волю и при необходимости воздействовать на тело, поведение, психику и сознание объекта с помощью специальных средств, реализуя заранее поставленные цели (намерения, интенции). Традиционно с позиций классической рациональности субъект – активно познающий и действующий индивид или группа, обладающая сознанием (нерефлексивным, интенционально направленным на объект, и рефлексивным, направленным на себя) и волей. Объект – индивид или группа, на которую направлена активность субъекта. ХВ: субъективность, центричность, асимметричность («власть над»).

3. Амбивалентный поход (Л. Эштон, Ж. Делез, Б. Соколов, М. Карецкая и др.). Власть понимается амбивалентно (двойственно), т.е. принципиально содержащая как объективные, так и субъективные аспекты: объективно – как управляющая или регулирующая и формирующая порядок или, другими словами, как антиэнтропийный фактор; субъективно – как осуществляющая доминирование одних субъектов над другими. ХВ: объективность/субъективность, центричность, асимметричность.

4. Коммуникативно-информационный – сетевой – подход (Н. Луман, Б. Латур, М. Кастельс и др.). Власть трактуется как эпифеномен сети или коммуникационно-информационных отношений. ХВ: объективность/предметность/субъективность (интерсубъективность), эксцентричность, симметричность/асимметричность.

5. Системно-полевой подход (П. Бурдьё, М. Фуко, Н. Шматко, Ю. Качанов и др.). Политика понимается как пространственно распределенное поле взаимодействий. Исходя из этого подхода можно трактовать власть также как поле, вводя разницу между рефлексивным полем политики и нерефлексивным потенциальным полем власти. ХВ: объективность/субъективность, эксцентричность, симметричность.

6. Концепция взаимо- или созависимости, или взаимной власти (используем неологизм совластности – И. Шаповал, Э. Аллен и др.). Эта концепция не сводится к пяти описанным выше. На современном этапе этот тип власти реализуется в различного рода союзах (коллорабациях) или сотрудничестве. Есть основание полагать, что этот тип власти был доминирующим на ранних стадиях антропосоциогенеза, которые характеризуются в рамках социальной психологии парой «мы» и «они».

Антропосоциогенез и становление иерархичности детерминации человеческого существования и уровней власти

При антропосоциогенезе происходит формирование человека и общества как последовательное усложнение уровней детерминации их существования. В случае понимания власти в ШСС можно рассматривать иерархию природных и социальных детерминант, воздействующих на человека или группу и ограничивающих или определяющих их поведение или сознание как иерархию уровней власти. Эволюция и иерархия уровней детерминации человеческого бытия (рефлекс и доминанта, стереотип и ритуал, установка и аттитюд, рефлексия и интенция) – то, что определяет взаимообусловленность различных норм, сложную подчиненность норм и взаимообусловленность их в определенные временные периоды. Кроме того, в этом контексте можно говорить и об ограниченности их естественного базиса и релятивности. Именно на этих принципах исторически базируется политическая власть, т.к. ее качество в практическом аспекте во многом определяется нестабильностью, прежде всего, геополитической ситуации.

В рамках нейрофизиологии доминанта – основной закон нервной деятельности, согласно которому доминирующее возбуждение (иррадиация) подчиняет себе (т.е. тормозит) все остальные. Она образует первый уровень собственной основы власти. Установка является психологической модификацией принципа доминанты и выступает целостным динамическим состоянием готовности к определенной активности субъекта. Установка – второй уровень собственной основы власти.

Следующий уровень детерминации (третий уровень собственной основы власти) возникает при появлении феномена сознания, преобразующего всю психику и превращающего ее в психику человека. При этом бессознательное

психическое мыслится как уже или еще (в крайнем случае, потенциально) осознаваемое.

Для реализации концепции установки применительно к социальной психологии и психологии личности необходимо использовать понятия диспозиции (расположения) и преддиспозиции (предрасположенности). Тогда все основные уровни внутренней и предварительной преддетерминации поведения и деятельности человека можно рассматривать как взаимосвязанную иерархию преддиспозиций (в т.ч. иерархию преддиспозиций уровней власти). Здесь важно отметить важность социально-психологических трансформаций, позволяющих формировать установки и стереотипы. Социально-психологическая трансформация в данном контексте представляет собой перевод в психологический механизм, обусловленный природными свойствами, механизма социального, в определенной степени искусственного, что можно обозначить как вторичную натурализацию. Именно такой тип натурализации определяет возможность существования системы внутренних детерминаций поведения человека в обществе. Этот механизм можно обозначить как обобщенную интериоризацию (вслед за Л. Выгодским).

Условием возникновения социальных стереотипов (вторичных динамических психофизических стереотипов), вне зависимости от того, включен ли индивид в социальную группу или находится в общем информационном пространстве, является ритуализация – специфический механизм, отвечающий за символизацию окружающей социальной действительности. Так как социальная действительность – неприродная, для выработки стереотипа необходима ее трансформация в целях установления прочных и устойчивых смысловых связей на основе образно-психологических характеристик, формируемых символизацией. Результатом таких трансформаций является нормирование, которое осуществляется в двух подсистемах – духовной (психофизическая детерминация на нереплексивном сознательном и бессознательном уровнях) и собственно социальной. Причем такие механизмы действуют как в архаических, так и в модернизированных и постмодернистских сообществах. Если рассматривать норму культуры в широком смысле, можно отметить ее способность навязывать индивидам определенную модель поведения и/или деятельности. Такая модель в достаточной степени стереотипизирована, она предписывается социуму и обладает способностью воспроизводиться в способах организации, направленности, формах осуществления и результатах интериорной (духовной, психической) и экстериорной (поведенческой) активности отдельных индивидов, что определяет такое качество нормы культуры, как императивность.

Основная функция стереотипного поведения – адаптивная. Аналогичная адаптивная функция присуща и ритуальному поведению с разницей лишь в доминировании во всем функциональном комплексе. Так, трансформируясь в ритуал, стереотип становится элементом социальной структуры, обретая независимость от воли и сознания индивида, играет роль регулятора поведения. В свою очередь, возникая стихийно или намеренно, ритуалы в контексте концепции естественного отбора становятся в определенной степени бессмысленными, т.к. не детерминируются естественными, природными условиями существования индивида и тем самым теряют свое качество адаптивности, обретая свою смысловую сущность в социальном контексте, ориентируясь прежде всего на поддержание социального единства и на устойчивость его воспроизводства. Таким образом, адаптивная функция ритуала выступает подчиненной по отношению к регулятивной. Конечная цель ритуального поведения – в обеспечении социального единства (одновременно это основная реализация собственного уровня социальной власти) [Клягин 1996: 47].

В период позднего палеолита и неолита происходит формирование мифо-символо-ритуального комплекса социальной регуляции, основным содержанием которого выступает акт творения порядка из хаоса как формирование социального порядка, и сакрализация власти с помощью фетишизации верховных фигур власти (вождей и жрецов) и связанных с ними иерархических социальных отношений. Эти механизмы сакрализации власти, трансформируясь, дошли до наших дней в форме так называемого авторитета, чья значимость и, соответственно, власть принимается на веру и реализуется в самых различных сферах современного общества (вплоть до научных сообществ). В результате процесса антропосоциогенеза у социокультурных систем (индивид или группа) можно выделить как минимум пять уровней детерминации их существования. На каждом из них они вступают во взаимодействие.

1. В сфере объективно-природной – для удовлетворения потребностей в обладании теми или иными природными ресурсами. Это субъект-объектное взаимодействие не может быть рассмотрено как коммуникация, разве только в метафорическом смысле.

2. В сфере объективно-социальной – для реализации интересов по поводу: а) обладания результатами хозяйственной деятельности (или объектами искусственной среды); б) места и реализации функций в социальном порядке (т.е. обладания властью в УСС). Это взаимодействие может быть рассмотрено как коммуникация посредством материальных и социальных предметов (общественные отношения в широком смысле в марксистской традиции).

Далее целесообразно обратить внимание на неоднозначность понимания коммуникации и в современной науке. Понимая коммуникацию как в широком смысле, так и в узком, мы так или иначе связываем данное понятие с понятием «общение». При этом в узком смысле можно понимать коммуникацию как непосредственное общение, взаимодействие двух или более индивидов, а в широком смысле – как опосредованное общение в контексте или общественных отношений (характерно для сферы политики в контексте глобализации политического пространства), или коммуникативного обмена. В первом случае платформой для возникновения коммуникаций становятся средства труда и материальные ценности, а во втором в центре коммуникативного обмена – духовные предметы, средства и субъекты взаимодействий.

В целом же следует понимать общение как процесс, направленный на достижение сплоченности, своеобразной общности, а коммуникацию – как процесс обмена информацией, что при этом не исключает ее принципиального свойства – коммуникация присуща человеку, а потому включает такие неотъемлемые элементы сознания, как разум или дух.

Детерминизм, управление и манипуляция в условиях глобализации политического пространства

Установки, стереотипы и ритуалы – своеобразные инструменты, благодаря которым субъекты власти могут за счет манипуляции управлять общественными отношениями.

В основе алгоритмов, закладываемых в глобальные политические процессы управления массовым сознанием, лежат довольно четкие причинно-следственные связи, основанные на принципиально новом типе детерминации, характерном для глобализирующихся социальных систем, однако базирующемся все так же, прежде всего, на смыслах и ценностях. При этом ценности отражают символическую действительность, являясь детерминантами поведения индивидов и различных социальных групп в обществе и их жизнедеятель-

ности. Смыслы — это элементарные единицы языков и коммуникаций, которые относятся как к индивидуальному, так и к социальному управлению и, как следствие, непосредственно к власти.

Процесс управления в совокупности всех социальных процессов отличает его целесообразность, что определяется как содержательной, так и формальной стороной процесса коммуникационного обмена в управлении. При этом данное понятие представляется весьма условным, т.к. цель может быть косвенной, однако социально значимой и обеспечивающей устойчивость социальных систем, их гармоничность. Также цель может быть скрытой, навязываться извне — в этом случае речь может идти о таком процессе, как манипуляция.

Манипуляцией активно пользуются субъекты политической власти, подкрепляя манипулятивное воздействие возможностями современных средств массовой коммуникации, которые в условиях глобализации способны транслировать информацию в существенных масштабах и на любые расстояния практически мгновенно. С учетом критерия целесообразности власти можно выделить наряду с прямой властью и власть косвенную (по К. Шмитту — *potestas directa* и *potestas indirecta*). Властные отношения сопряжены с самой динамикой жизни, которая не может быть зафиксирована и воплотиться только в прямой власти, а на ранних стадиях антропосоциогенеза в отсутствие или в период становления персональной воли нужно говорить не только об отсутствии прямой персональной власти, но о наличии коллективной косвенной власти, где сам коллектив является как источником, так и исполнителем такого рода власти [Дугин 2017: 106]. Однако вне зависимости от типа власти манипулятивный характер властного воздействия одинаково свойственен субъектам власти и прямой, и косвенной.

Манипуляция отличается от прямого коммуникативного воздействия прежде всего своей методикой. Основными способами коммуникативного воздействия являются:

- 1) убеждение — аргументация, риторика и языковая экспрессия;
- 2) принуждение:
 - прямое: а) насилие (агрессия) или угроза насилием, б) приказание;
 - косвенное: а) духовная «агрессия» (экспрессивное поведение), б) манипуляция.

Основные способы манипуляции на межличностном, групповом и массовом уровнях: 1) внушение (суггестия), 2) подражание, 3) заражение, 4) не прямое действие авторитета.

Сделаем попытку классификации основных сфер манипулятивного воздействия. Здесь можно выделить манипуляцию 1) потребностями и интересами, 2) целями, 3) идеалами и ценностями, 4) чувствами и эмоциями, 5) символами, 6) знаниями (значениями и смыслами знаков).

В случае п. 6. основное направление борьбы в манипуляции — рефлексивное сознание объекта. Наиболее распространенные приемы манипуляции при этом: 1) дробление (диссеминация), 2) ускорение и непрерывная передача информации для уничтожения временного интервала работы рефлексии, 3) монтаж в реальном времени с высокой частотой (клиповый подход), 4) микст (смешение правды с ложью), 5) неполнота, 6) усложнение [Дридзе 1984: 140; Шишкина 2002].

Типы манипулятивных коммуникаций, используемых субъектами политической власти в условиях глобализации информационного пространства

Таким образом, на основе изложенного можно сделать вывод о существовании манипулятивной (дискурсивной и недискурсивной) коммуникации,

к которой можно отнести массовую информацию, рекламу, деловое общение, *PR* и пропаганду. Все обозначенные типы субъекты политического пространства в разной степени используют в своей деятельности в зависимости от целей коммуникации (к примеру, политическая реклама в период избирательных кампаний или реклама территорий в процессе конструирования территориального бренда, *PR* и пропаганда в повседневной деятельности субъектов политического пространства, деловое общение в протокольных мероприятиях высших государственных должностных лиц, СМИ в *GR*- или в *G2C*-коммуникациях). Для различных инструментов в зависимости от ситуации, целей и целевых аудиторий характерны различные манипулятивные алгоритмы.

Текст и интенция. Содержательно-смысловые структуры, передаваемые (и воспринимаемые) при общении, своей первопричиной имеют мотивы и цели общения и взаимодействия людей с окружающим их миром, «выступают как “интенция”, влияющая на форму и на конкретное семиотическое (знаковое) воплощение содержательной части общения» [Веселкин 1977: 46]. Понятие «интенция» означает намерение, цель, направленность сознания на предмет. Интенциональное сознание — это бытийный неререфлективный уровень сознания [Плюснин 1990].

Именно интенция организует и выстраивает всю семиотическую систему (текст, передача, имидж и т.д.). Коммуникатор может доносить интенцию (в случае равноправной и симметричной коммуникации) и директивно навязывать или манипулятивно конструировать ее во властных целях [Веселкин 1997; Клягин 1996].

Коммуникация состоится, если можно говорить о наличии взаимодействия, взаимопонимания и восприятия. И это отличает ее от квазикоммуникации, или псевдокоммуникации, где получатель и отправитель информации воспринимают коммуникационный акт с принципиально разных позиций. Такой асимметричный тип коммуникации часто можно наблюдать в политических процессах различного уровня. Ситуация, которую Ж. Бодрийяр определяет как «не-коммуникацию», свойственна современному информационному пространству, когда посредники в процессе передачи информации от субъектов власти массовой аудитории намеренно закладывают в нее свои смыслы, часто в зависимости от политических амбиций владельцев, что и определяет сущность манипуляций СМИ общественным мнением через тексты. Исключением не являются и социальные сети. Сфера *PR* также часто использует посредничество в качестве инструмента передачи информации. По аналогии с Маклюэном можно сформулировать тезис, что общественные отношения (связи) — это отношения (связи) с общественностью через коммуникационного посредника [Дридзе 1984].

Символическое конструирование имиджа как машины власти. Имидж целесообразно рассматривать как проецирование объекта под углом определенных интересов того или иного вида власти. То, что называется имиджем (образом — в буквальном смысле), является не просто символическим представлением о каком-то одушевленном или неодушевленном объекте, но целым ритуально-мифо-символическим комплексом, в котором телесно-образные компоненты используются для формирования необходимой системы ценностей и смыслов для адресанта коммуникации [Ледяев, Ледяева 2016]. Именно за счет имиджа тот или иной объект политической действительности — политический лидер, политическая партия и др. — обретает символическую рациональность, которая является своеобразным модулем для трансформации реального образа объекта в современном мире, как правило, в социальные сети и прочую вир-

туальную реальность, через которую с помощью различных манипулятивных технологий этот образ внедряется в массовое сознание.

Массовая коммуникация в ее традиционном смысле сейчас также включает в качестве ее основания интернет-коммуникации — как в продукте, так и в его доставке. В определенном смысле значительная часть этой формы массовой самокоммуникации ближе к «электронному аутизму», чем к настоящей коммуникации. При этом мультимедийные сети как структуры коммуникации сами по себе не обладают властью сети, сетевой властью. Они зависят от решений и инструкций их программистов. Власть сети состоит в возможности позволить медиуму или сообщению войти в сеть через процедуры контроля доступа. Но где во всем этом власть? Владельцы глобальных мультимедийных корпоративных сетей принадлежат к числу власть имущих в сетевом обществе, потому что они программируют решающую сеть: метасеть коммуникационных сетей — сетей, которые обрабатывают мыслительные «материалы», благодаря которым мы подчиняемся, думаем, чувствуем, живем. Это значит, что с добавлением сетей и сетевой власти в обществе суть власти не меняется.

Следующий этап глобализации власти информационно-коммуникативных сетей наступает тогда, когда агентами могут быть носители искусственного интеллекта (ИИ). Мультиагентная (или многоагентная) система состоит из множества взаимодействующих интеллектуальных автономных агентов и пассивной среды, в которой агенты существуют и на которую могут влиять. (Под агентом в общем случае понимается либо человеческий, либо искусственный интеллект.)

Агентам присущи такие свойства, как автономность, коммуникативность (взаимодействуют с другими агентами), целенаправленность и активность (наличие цели и способность выполнять определенные действия для ее достижения), ограниченность представления (ни у одного из агентов нет представления обо всей системе в целом, как нет и агента, управляющего действиями других агентов, т.е. мультиагентные системы — эксцентричные системы, которым присуща самоорганизация, которые реализуют новую форму информационно-коммуникативной власти (назовем ее «пятой властью») [Дугин 2017: 106].

Изучение процесса универсализации *PR* и соцсетей показало, что наступает качественно новый этап развития постиндустриального, постмодернового общества, на котором все возрастающая унификация многообразия и сохранение формальной свободы выбора сочетается с эффективным идеологическим механизмом реального управления последней. Эти механизмы, сферы и результаты управления свободным выбором и являются *PRO*-спективной глобальной пиаризации и сетевизации общественного развития, которая с нарастанием процессов глобализации сама становится глобальной. Однако формирование глобальной *PRO* и соцсети автоматически не превращает ее ни в ноосферу (по В. Вернадскому), ни даже в инфосферу (по Д. Рашкоффу), т.к., став глобальной, она не становится автономной, напротив, она делается все более и более управляемой, т.е. выступает как новая система власти [Кастельс 2016; Лихтенштейн и др. 2018].

Заключение

В эпоху глобализации меняется система функционирования властных взаимодействий, однако, как и прежде, власть базируется на различных формах общения, которые в эпоху Модерна получили название «коммуникационные процессы». Эти процессы в современном мире мгновенно преодолевают барьеры государств и общностей, тем самым расширяя границы властного воз-

действия, однако вместе с тем и порождая общности людей нового типа различного уровня. Однако в процессе современной коммуникации спонтанность общения в традиционном обществе, направляемая нерелексивной активностью жрецов, в системе «ритуал – символ – миф» заменяется рефлексивной конструктивной деятельностью идеологов – коммуникаторов, а общение все больше вытесняется коммуникацией. При этом в рамках *PR*-систем и развития социальных сетей в эпоху глобализации и постмодерна с коммуникацией возрастает уровень информатизации и формализации, управляемости и конструируемости, с одной стороны, власть и влияние – с другой.

Вместе с тем следует также обозначить онтологические пределы абсолютистских властных претензий рефлексивного конструктивизма, в т.ч. и концепции всевластия социальных сетей и *PR*-структур как конструкторов и прокураторов общения и новой, «пятой» власти. Эти пределы имеют как природные, так и сверхприродные основания, связанные со спецификой человеческого бытия, сознания и духа.

Список литературы

- Веселкин Е.А. 1977. *Кризис британской социальной антропологии*. М.: Наука. 171 с.
- Дридзе Т.М. 1984. *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации*. М.: Наука. 268 с.
- Дугин Е.Я. 2017. Власть идеологии и идеология власти. – *Власть*. Т. 25. № 3. С. 106-113.
- Кастельс М. 2016. *Власть коммуникации: учебное пособие*. М.: ИД ВШЭ. 564 с.
- Клягин Н.В. 1996. *Происхождение цивилизации (социально-философский аспект)*. М.: Изд-во ИФ РАН. 252 с.
- Ледяев В.Г., Ледяева О.М. 2016. Концептуальный анализ власти и «лингвистические аргументы». – *Морфология политических институтов*. № 2. С. 26-39.
- Лихтенштейн В.Е. и др. 2018. *Мультиагентные системы: самоорганизация и развитие*. М.: Финансы и статистика. 262 с.
- Плюснин Ю.М. 1990. *Проблемы биосоциальной эволюции: теоретико-методологический анализ*. Новосибирск: Наука. 239 с.
- Шишкина М.А. 2002. *Паблик рилейнз в системе социального управления*. СПб: Паллада-медиа; СЗРЦ «Русич». 444 с.

YUDIN Ivan Valer'evich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Philosophy, Political Science, Sociology named after G.S. Aref'eva, Associate Professor of the Chair of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (14 Krasnokazarmennaya St, Moscow, Russia, 111250; ivanyudin@yandex.ru)

LJUSKIN Mikhail Borisovich, Associate Professor of the Chair of Philosophy, Political Science, Sociology named after G.S. Aref'eva, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», (14 Krasnokazarmennaya St, Moscow, Russia, 111250; LiuskinMB@mpei.ru)

KALININ Eduard Yur'evich, Senior Lecturer of the Chair of Philosophy, Political Science, Sociology named after G.S. Aref'eva, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», (14 Krasnokazarmennaya St, Moscow, Russia, 111250; KalininEY@mpei.ru)

POWER AND COMMUNICATION: FROM LOCAL TO GLOBAL (PHILOSOPHICAL ASPECT)

Abstract. *The authors of the article attempt to analyze manipulative technologies from the standpoint of a systematic approach and the use of philosophical methods of knowledge and skills of political analysis. These technologies is the arsenal of power structures and are used to stabilize the political agenda, as well as for the self-preservation of existing political institutions in the context of globalization.*

Keywords: *globalization, political power, manipulative influence, methods of manipulating, mass consciousness, management of public relations*

БОЛЬШАКОВА Юлия Михайловна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института политической психологии и прикладных политических исследований Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., 10; academy.prof.com@gmail.com)

ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ЭВОЛЮЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *Целью статьи является определение истинных места и роли цифровых технологий в развитии и становлении теории и практики публичного управления на современном этапе. Автор показывает, что в настоящее время незаслуженно мало внимания уделяется осмыслению явления цифровизации в плане концептуализации публичного управления, особенно на фоне его кризиса и интенсивных поисков новой парадигмы публичного управления, и делает вывод, что значение цифровизации заключается в создании предпосылок формирования у субъекта управления управленческого сознания.*

Ключевые слова: *цифровизация, публичное управление, управленческое сознание, парадигма публичного управления, деятельность коммуникация*

Всякий раз, когда наблюдается прорывное развитие технологий, обостряется дискуссия о той роли, которую эти технологии могут сыграть в развитии общественной жизни. Не стало исключением и развитие цифровых технологий на современном этапе, в т.ч. и в контексте публичного управления. И не случайно эта тема в настоящее время является одной из наиболее актуаль-